

Клубные встречи

Кажется, стихи Игоря Иртенева можно печатать без подписи — их автор все равно будет узнаваем благодаря особому фирменному сочетанию мягкой лиричности и иронии, доходящей до жесткого сарказма. Над его строками хохочут целые залы, а между тем он вовсе не записной юморист, а "просто" поэт. В последнее время вдобавок и главный редактор журнала "Магазин" Жванецкого.

Игорь ИРТЕНЬЕВ:

Вег. клуб. - 1995. - 15 авг. - С. 7.

«Ничто страдальцу не мешало спокойно ноги протянуть»

— На моей памяти ваше имя появилось примерно десять лет назад — в пору вхождения в литературу целой группы молодых поэтов, хороших и разных. А существовал ли до 1985-го поэт Иртенев?

— Может быть, очень недолго — лет пять. Я вообще поздно начал писать стихи — после тридцати. Какие-то юношеские попытки я не засчитываю — так мог написать любой подросток, и это не имеет отношения к тому, что я сейчас делаю.

Шел же я в печать через страницы юмора — это была такая резервация, где собирались разные придурки, люди вполне странные, пишущие вещи междужанровые. Например, Женя Попов свои первые рассказы печатал в тогдашней "Литературной России" в разделе "Ревизор". А Саша Кабаков — в рубрике "Сатира энд юмор" "Московского комсомольца". У меня был достаточно короткий путь к печатному станку: едва ли не первое мое стихотворение было опубликовано, хотя для такого рода поэзии еще существовал жесткий барьер. И к 85-му — в своем жанре, по крайней мере, — я был замечен среди коллег. Ну а потом, когда все это веселое безумие началось — я имею в виду горбачевскую перестройку, — этот жанр получил резкий взлет в смысле востребованности, и я что-то прибавил, потому что перемены совпадали с моими устремлениями. Сейчас многие на это романтическое время плюют, но это было абсолютно счастливое время в моей жизни, да, думаю, и не только в моей. Время подъема, большого вдоха. И пошел я, что называется, в раскрут. И многие мои товарищи — и Евгений Бунимович, и Виктор Коркия, и Александр Еременко, и Юрий Арабов, и ныне покойная Нина Искренко, — дружно взявшись за руки, вошли в литературу.

— А что было до того, как вы начали писать стихи?

— Я с ужасом вспоминаю о том, что до 30 лет просто валял дурака, вел жизнь лоботряса, по моим нынешним понятиям.

— Может быть, то была фронда по отношению к тогдашнему времени?

— Нет, я не воевал с ним вообще, просто плыл по течению. После Ленинградского института киноинженеров отслужил год в армии, к этому времени первый раз развелся и вел полнокровную жизнь молодого свободного человека, обладающего отдельной комнатой со всеми вытекающими последствиями. А что касается жизненных устремлений — у меня их, строго говоря, не было.

Меня как-то тогдашняя приятельница спросила, присмотревшись ко мне в предрасветной мгле, а чего бы ты, мол, вообще хотел в этой жизни? Не знаю, говорю, наверное, стать каким-нибудь таким начальником небольшим. Я тогда работал на ТВ механиком по обслуживанию киносъемочной техники (типа ассистента оператора) и вот стал мастером, то есть перестал таскать камеры на съемках, а стал их выдавать. А потом, может быть, стал бы старшим мастером — и на этом моя фантазия заканчивалась абсолютно. И если бы не проклюнулась во мне приверженность к стихотворному занятию — решительно не представляю, что бы делал.

— И как же шли поиски жанра в литературе?

— Сначала писал что-то пафосное, жуткое, бред какой-то... Но наступил момент действительно важный. У меня есть такое стихотворение, которое я единственное из ранних включил в книжку:

Он тихо умер на рассвете
Вдали от Бога и людей.
Светило солнце,

Пели дети,
Омыта струями дождей,
Планета мерно совершала
Свой долгий повседневный путь...

И вот до этого момента стихи писались абсолютно искренне, с пафосом, но вдруг рука как бы сама дописала:

...Ничто страдальцу не мешало
Спокойно ноги протянуть.

И концовка сразу опустила все предыдущее. А я понял, что стихи другого толка писать уже не смогу. Тут заключается алгоритм ко всему последующему: сшибка стилей, соударение высокого и низкого — то, что отличает иронию.

— Спустя десятилетие ваше поколение поэтов как-то поутихло...

— Кто-то перестал писать вообще, к сожалению, замолчал замечательный поэт Саша Еременко. Почти не пишет Витя Коркия, который занимается какой-то безумной предпринимательской деятельностью в шолом-алеихемовском духе, будучи человеком некоммерческим по определению — такой Чарли Чаплин от бизнеса. Очень мало пишет Женя Бунимович. Да и я тоже... Начинаю подозревать, что вообще в каждом человеке есть какое-то ограниченное количество поэтического вещества, которое после сорока лет оказывается сильно израсходованным. Кое-кто из старших коллег пишет и в шестьдесят, и в семьдесят, но результаты, как правило, бывают печальными, поскольку на самом деле они все уже написали давным-давно.

— Чем отличается ваше поколение от "оттепельной" генерации поэтов: Евтушенко, Вознесенского?

— Я не сравниваю масштабы дарований, но мы качественно отличались. Не было у нас их пафоса, романтики — мы учили опыт их поражения. И выражать свои чувства тем же языком, конечно, не могли, потому что время открытого слова ушло. Практически невозможно произнести нечто возвышенное открытым текстом — это будет выглядеть глупо, вульгарно, смешно. Отсюда и ироничность.

— Чувствовали ли вы себя таким Коном-разрушителем?

— Нет, конечно. Флюиды иронии могут быть разрушительны, но само чувство иронии сродни чувству самосохранения, защитная реакция против окружающей пошлости. Но на одной иронии существовать невозможно. В моих, как мне кажется, лучших стихах есть некое соединение наива с иронией. Мне не хочется говорить "чистота" — вернее будет: в хорошем смысле чайничество. Не зря же Пушкин сказал, что поэзия должна быть глуповата. Каждый раз ты должен какие-то несообразности в этом мире находить и не уставать им удивляться. Мне кажется, что это то чувство, которое настоящую поэзию и рождает.

— Ну у нас есть, чему удивляться... Один ваш персонаж, гордый рыцарь, который "на все вокруг с прибором без разбора положил", говорит:

Бренна плоть, искусство ложно.
Страсть продажна, мир — бардак.

Это что — здоровый цинизм?

— Но я ведь как бы не отвечаю полностью за поведение своего иронического героя, и это отнюдь не программное мое стихотворение. И кстати, вот какое удивительное свойство поэзии я заметил: в ней все зависит от случайности в отличие от прозы, где у тебя есть какой-то план, концепция, сообразно которой ты конструкцию свою громоздишь. А в поэзии случайное звучание, рифма может повернуть течение стихотворения на 180 градусов и напрочь поменять исходную мысль. То есть я никогда не знаю, чем стихотворение закончится.

— Запомнилась концовка одного вашего стихотворения:
Вот так, умом и телом слаб,
Живу я с той поры —

Ни Бог, ни червь, ни царь, ни раб,
А просто — хрен с горы.
Что вдруг?

— Да, может, просто из-за рифмы — поди знай! Поэзия — ведь штука абсолютно магическая, фантастическая. Или вот юмор... Это как любовь. Чувство юмора было и у питекантропов, и у мутантов оно сохраняется.

— Во многом — благодаря журналу "Магазин"? На кого он, кстати, ориентируется — как будто бы не на питекантропов?

— По замыслу, как это ни самонадеянно звучит, он ориентируется на нас самих. На тех, кто этот журнал делает. Потому что мы не какие-то высоколобые интеллектуалы — и вместе с тем не жлобы. Мы представляем собой среднюю интеллигенцию, которая никуда не делась, и далеко не все умерли с голоду (с голоду вообще практически никто не умер за это время — да, думаю, не умрут и дальше). Кто-то уехал, но массового исхода населения не было. Наши читатели — это те, кто читал "Огонек" перестроечный, "Юность"... Лакированные журналы не для них — там трудно нормальному человеку что-то почерпнуть, кроме рассказов о якобы существующей светской жизни. Вот для таких людей мы и делаем журнал и отклик получаем очень большой: черт-те откуда приходят письма, даже с Камчатки. Занятно, что в редакции подобрались сплошь бывшие технари, начиная со Жванецкого.

— Почему?

— Традиционно в юмор идут в основном итээры. Чем это объяснить? Может быть, те, кто выбирает филологическую специальность, в ней и реализуются достаточно. А может, потому, что у нас инженерская работа традиционно была связана с дуракаваланием, когда по два года целым отделом какую-нибудь шляпку от гвоздя разрабатывали. И вот нерезализованная энергия привела их из курилки и травления анекдотов в юмористическую литературу.

В общем, "Магазин" — для людей, которые находятся в ладах с литературой, кому не надо разжевывать, с которыми можно говорить свободно. И те, кто любит мои стихи, должны понимать, что в журнале я самовыражаюсь так же, как и в поэзии. Для меня это сейчас самое важное дело в жизни. Очень много он радости мне приносит, хотя полно беготни, доставаний денег. Хорошо, что помогает банк "Деловая Россия" — он в свое время и Студенческий театр МГУ поддерживал.

— У банкиров, стало быть, есть чувство юмора?

— За всех не ручаюсь...

— Но без помощи коммерческой фирмы вы и последнюю свою книжку — "Три Петра и два Ивана" — не издали бы.

— Это на дружеском уровне произошло: просто есть люди, которые занялись коммерцией значительно позже, чем у них обнаружилась любовь к стихам и осталась по сию пору. Мы эту книжку издали как бесплатное приложение для подписчиков журнала. Остальным же могу посоветовать обратиться в Дом книги на Новом Арбате, в "Молодую гвардию" на Полянке, в "Гилею" на Знаменке, в магазин "25 октября" в Казачьем переулке.

— Вপুরе вздохнуть о зависимости поэтов от капитала...

— Но, с другой стороны, несколько раз съездив в Объединенные Арабские Эмираты или в Польшу и привезя партию каких-нибудь курток, вполне можно на издание своей книжки заработать. И вообще я не считаю, что государство должно литературу поддерживать, хотя коллеги со мною, вероятно, не согласятся. Ведь если государство тратит деньги на писателя, оно имеет и полное право с него спросить. Голосуйте все за Зюганова и будет опять мощный Союз писателей, государственные издательства, но тогда уже нельзя будет кусать руку, которая тебя кормит.

— Не говоря уж о прочих прелестях такого варианта.

— И я не из тех, кто по советскому "прекрасному далеку" ностальгирует. И если сейчас волче время, то тогда было сучье, так можно сказать. И нам никогда не надоест смеяться над собственной дуростью.

— А что бы вы в это волче время желали читателям "Вечернего клуба"?

— Ходить в этот "клуб" почаще. И стале-варам, и рыбакам, и домохозяйкам, и читателям — вместе пережить это время и надеяться, что завтра будет лучше, чем сегодня. Пожелал бы сохранять умеренный оптимизм.

Гостя принимал
Алексей ЕРОХИН.
Фото Виктора СМОЛЬЯНИНОВА.